
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Теория привязанности: современные исследования и перспективы

Авдеева Н.Н.,

*кандидат психологических наук профессор кафедры возрастной психологии им. Л.Ф. Обуховой
факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
nnavdeeva@mail.ru*

В статье по материалам зарубежных источников рассматриваются развитие основных положений теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт и современные исследования в области психологии привязанности. Обсуждаются следующие проблемы: современная интерпретация системы привязанности; влияние материнской чуткости и качества опеки на формирование привязанности ребенка к матери; классификация привязанностей; ментальные репрезентации привязанности; культурные различия классификации привязанностей в американских, западногерманских, японских, российских исследованиях привязанности; нарушения привязанности; психотерапия привязанности; нерешенные вопросы и перспективы теории привязанности.

Ключевые слова: привязанность, качество опеки, типы привязанности, операционные модели привязанности, нарушения привязанности, культурные различия в классификациях привязанности, привязанность и психотерапия.

Для цитаты:

Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7—14. doi:10.17759/jmfp.2017060201

For citation:

Avdeeva N.N. Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources) [Elektronnyy resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 7—14. doi: 10.17759/jmfp. 2017060201 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Психология привязанности более 40 лет остается одним из ведущих направлений современной зарубежной психологии. Основываясь на концепциях этологии, кибернетики, теории систем, психологии развития и психоанализе, Дж. Боулби сформулировал основные положения теории привязанности, благодаря чему произвел коренные изменения в понимании того, что связывает ребенка с матерью и как эта связь разрушается вследствие разлуки, депривации и утраты матери. Новаторские методы изучения связи ребенка с матерью, предложенные Мэри Эйнсворт, не только дали возможность эмпирической проверки некоторых идей Дж. Боулби, но также способствовали расширению самой теории и привели к новым направлениям ее развития. Рассмотрим развитие основных теоретических положений и современные направления исследований в области психологии привязанности.

Определение привязанности. Система привязанности

На основании опыта изучения историй жизни 44 малолетних преступников Дж. Боулби выявил влияние ранней разлуки с матерью (и связанных с этим

переживаний потери и сепарации) на нарушение поведения ребенка в последующие годы жизни. В работе «О природе привязанности ребенка к матери» Боулби впервые высказал предположение, что существует биологически обусловленная система привязанности, отвечающая за развитие эмоциональной связи между матерью и ребенком. Для ребенка привязанность важна с точки зрения безопасности и выживания [3; 9].

Современные исследования показывают, что система привязанности представляет собой первичную генетически закрепленную мотивационную систему, которая активируется сразу после рождения, при первом контакте новорожденного с матерью и выполняет функцию обеспечения ребенку материнской заботы, гарантирующей выживание.

Большое внимание уделяется также изучению гормональной поддержки привязанности, роли окситоцина. Этот гормон образуется уже во время беременности, «настраивая» мать на принятие ею будущего ребенка; он играет важную роль в родах и в постнатальном периоде, способствует установлению взаимной привязанности между ребенком и матерью. Показано, что окситоцин выделяется как у матери, так и ребенка во время кормления, покачивания ребенка на руках, что приводит к сопутствующим психологиче-

ским эффектам: желанию поддерживать контакт, чувству близости и расслабления [4].

Исследования привязанности в работах М. Эйнсворт

М. Эйнсворт впервые провела полевые исследования взаимодействия и проявлений привязанности ребенка к матери в племени ганда в Уганде.

В последующем лонгитюдном исследовании в балтиморских семьях были выявлены индивидуальные различия в том, насколько чутко, адекватно и безотлагательно матери реагировали на сигналы младенцев в ситуациях взаимодействия (кормление, плач, телесный контакт и др.).

В дальнейшем этим автором была установлена связь между наблюдаемыми паттернами взаимодействия в диаде и поведением младенцев в лабораторной методике, известной как «Незнакомая Ситуация» (Strange Situation).

Данная лабораторная методика для работы с годовалыми детьми была разработана в целях изучения баланса между поведением привязанности и исследовательским поведением в условиях слабого и сильного стресса при разлуке и воссоединении с матерью. Она позволила оценивать качество привязанности ребенка к матери и положила начало известной системе классификации типов привязанности: надежная, безопасная привязанность; ненадежная тревожно-избегающая и ненадежная тревожно-сопротивляющаяся привязанность [9; 12].

Качество опеки и привязанность

Причины, по которым дети демонстрируют разные типы привязанности к матери по результатам теста «Незнакомая ситуация», с точки зрения М. Эйнсворт, в большой мере зависят от качества ухода за ними, от материнской опеки. Так, матери надежно привязанных младенцев проявляют чувствительность (сензитивность) и отзывчивость при уходе за ребенком, начиная с первых дней его жизни [12].

С течением времени множество исследований, направленных на выявление факторов, влияющих на становление у ребенка надежной привязанности к матери подтвердили и уточнили выводы, сделанные М. Эйнсворт.

Так, обобщая результаты 66 исследований, посвященных выявлению характеристик материнской опеки, способствующих развитию надежной привязанности ребенка к матери, Де Вольф и Ван Изендорн выделили 6 основных параметров: сензитивность, позитивная установка, синхронность, поддержка, стимуляция.

Материнская сензитивность характеризуется тем, насколько быстро и адекватно мать реагирует на сигналы младенца.

Позитивная установка матери по отношению к ребенку выражается в положительных эмоциях, адресованных ребенку, проявлениях к нему любви и нежности.

Синхронность проявляется в структурирующих, ровных взаимоотношениях с ребенком, взаимность — отражает акцентирование внимание младенца и матери на одном и том же в ходе взаимодействия. Поддержка матери проявляется в постоянной эмоциональной поддержке действий ребенка.

Стимуляция ребенка со стороны матери предполагает использование матерью инициативных действий, направляющих поведение ребенка [15].

Современные исследования показали, что нейродинамической основой материнской сензитивности в ходе взаимодействия ребенка с матерью выступает активация «зеркальных нейронов», функция которых состоит в обеспечении способности к эмпатии, сочувствию, возможности поставить себя на место другого, понять его интенции, переживания [22].

Дети, демонстрирующие ненадежный, сопротивляющийся паттерн привязанности, часто обладают трудным темпераментом и повышенной раздражительностью. При этом их родители непоследовательны в проявлениях заботы, переходят от энтузиазма к равнодушию, в зависимости от собственного настроения могут подолгу оставаться неотзывчивыми к нуждам ребенка. В ответ на подобное поведение родителей ребенок начинает бороться за их внимание и заботу с помощью активизации поведения привязанности (крика, плача, цепляния), чтобы добиться эмоциональной поддержки и утешения [12].

Как показали исследования, риску формирования ненадежной избегающей привязанности подвергаются дети в семьях со следующими двумя паттернами воспитания. Прежде всего, это матери, не испытывающие удовольствия от общения с ребенком, избегающие контактов с ним, нетерпеливые и неотзывчивые, часто проявляющие негативные эмоции по отношению к ребенку. В другой модели воспитания матери проявляют чрезмерное родительское рвение, бесконечно «занимаются» с ребенком, обеспечивая высокий уровень стимуляции, даже когда ребенок этого не хочет.

Исследователи приходят к выводу, что в случае избегающих или гиперстимулирующих опекунов младенцы проявляют адекватное, адаптивное поведение, выражающееся в избегании действующих неадекватных опекунов и научаются обходиться без них [12; 21].

В исследованиях по методике «Незнакомая ситуация» был выявлен еще один тип ненадежной привязанности: дезорганизованная/дезориентированная привязанность.

При данном типе привязанности поведение ребенка характеризуется смешением паттернов избегания и сопротивления. Например, дети бегут к матери, но останавливаются на полпути, отворачиваются и убегают. После воссоединения с матерью они могут выглядеть ошеломленными или «замороженными», у них часто отмечаются стереотипные действия и движения. Подобное поведение показывает, что, хотя система привязанности детей активируется, они не находят постоянных, устойчивых форм поведения для прояв-

ления своей привязанности к матери [20]. Измерение физиологических показателей у детей с дезорганизованной привязанностью в незнакомой ситуации показало повышенный уровень стресса [4].

Родители детей с дезорганизованной моделью привязанности часто оказываются робкими, неуверенными в себе опекунами, в детстве пережившими насилие или пренебрежение со стороны собственных родителей [20].

Предметом дискуссии среди специалистов остается вопрос места и роли генетических факторов в данной проблеме. Так, Гарвай [4] в своих работах показал, что специфические полиморфизмы гена дофаминового рецептора связаны с дезорганизованной привязанностью. В работе Шпанглера выявлена связь между дезорганизованной привязанностью и полиморфизмом гена, отвечающего за транспортировку серотонина при условии нечуткого материнского отношения к ребенку. Эти результаты указывают на взаимодействие врожденных и средовых факторов при формировании качества привязанности [4].

Нарушения привязанности

Типы привязанности, обнаруженные М. Эйнсворт, рассматриваются в современной психологии привязанности как специфические адаптационные модели в рамках нормативных отношений матери и ребенка. Дезорганизованная привязанность, напротив, не является адаптивной стратегией поведения, она указывает, что у ребенка в стрессовой ситуации расставания и воссоединения с матерью нет адекватной модели поведения.

Кроме того, клиницисты обнаруживают в группах клинически больных детей и в детско-родительских диадах с отклонениями в отношениях иные психопатологические паттерны привязанности, которые они обозначают как «нарушения привязанности» [4; 10].

Исследования П. Криттенден, в которых изучались дети, испытывающие пренебрежение, жестокое обращение, ставшие жертвами насилия со стороны взрослых, привели к расширению классификации паттернов привязанности в детском возрасте. У них были обнаружены следующие паттерны: сочетание тревожно-избегающего и амбивалентного поведения, а также сочетание тревожно-избегающего и дезорганизованного поведения; кроме того, у детей наблюдались неадекватные аффекты и неверные социальные представления. Криттенден выявила у детей дошкольного возраста такие специфические отклонения в поведении, как навязчивая забота и чрезмерное приспособление во взаимодействии с матерью в сочетании с паттерном тревожно-избегающей привязанности. Изучая проявления тревожно-амбивалентной привязанности у детей данных групп, она выявила детей с агрессивным, угрожающим поведением, а также с беспомощным, инфантильным поведением во взаимоотношениях с матерью.

К вышеприведенным психопатологическим паттернам привязанности Криттенден в дальнейшем добавила

паттерн, характерный для школьного возраста — с наказывающим поведением, и для подросткового возраста — с уходом в себя и проявлениями спектра поведения от угрожающего до параноидного. Подобное поведение при крайних вариантах проявления избегающей и амбивалентной привязанности сочетается с нарушениями аффективной сферы и социальных когниций [14].

Привязанности как операционные модели взаимоотношений

Каким образом привязанность ребенка к матери в раннем детстве связана с его дальнейшим развитием? Как качество привязанности влияет на характер межличностных отношений ребенка в будущем?

Дж. Боулби в своих известных работах «Привязанность» и «Разлука» высказал предположение, объясняющее как стабильность, так и долговременное влияние ранних привязанностей. В результате опыта взаимодействия, разлук и воссоединения ребенка с матерью (первичным опекуном) формируются внутренние операционные модели («рабочие модели») представляющие собой ментальные (когнитивные) репрезентации Себя и Другого, которые в дальнейшем используются для интерпретации межличностных отношений [3; 11; 12].

Современные исследования внутренних операционных моделей направлены на изучение связи между качеством привязанности, образом «Я» и «Других».

Показано, что младенцы, имеющие позитивную операционную (рабочую) модель «Я» и своих опекунов, формируют надежную безопасную привязанность; проявляют уверенность в себе, позволяющую исследовать и преодолевать новые вызовы окружающего мира; в дальнейшей жизни способны устанавливать надежные, доверительные, теплые дружеские и семейные отношения. Позитивная модель «Я» в соединении с негативной моделью «Других», в случае невосприимчивых и навязчивых опекунов указывает на высокую вероятность формирования у ребенка избегающей привязанности и обесценивания эмоциональных связей. Негативная модель «Я» и позитивная модель «Других», если ребенок не всегда получает необходимое ему внимание и отзывчивость опекунов, связана с сопротивляющейся привязанностью, трудностями установления позитивных эмоциональных межличностных отношений. Негативная операционная модель «Я» и «Других» связывается с дезорганизованной/дезориентированной привязанностью, боязнью испытать обиду, страдание в близких взаимоотношениях [13].

Ребенок формирует операционные модели для каждого из опекунов: матери, отца, других близких людей. Такие операционные модели, изначально гибкие, по мере развития ребенка стабилизируются, становятся ментальной репрезентацией привязанности. Надежная стабильная репрезентация привязанности способствует личностной стабильности [4].

Привязанность и Терапия

В рамках теории привязанности, главной целью психотерапии становится переоценка неадекватных, устаревших рабочих моделей «я» в отношениях с фигурами привязанности. Для достижения этой цели терапевт может быть наиболее эффективным, действуя как надежная, безопасная основа, отталкиваясь от которой человек может приступить к разрешению трудной задачи исследования и переработке своих внутренних рабочих моделей.

Психотерапии, основанной на привязанности, посвящена исследовательская и практическая деятельность немецкого психотерапевта Карла Бриша. Применяя теорию привязанности в клинической практике, К. Бриш показал новые перспективы и технологии в консультативной работе с детьми и взрослыми, семейной и групповой терапии. В целях профилактики нарушения привязанности, обеспечения условий для развития надежной безопасной привязанности ребенка к близким взрослым, К. Бриш создал и успешно реализует с помощью своих последователей в десятках стран Европы программу SAFE (Программа надежности для родителей.) [4].

Привязанность в течение жизни

Исследования феномена «устойчивость типа привязанности в течение жизни» дали противоречивые результаты.

Так, было показано, что в 80% случаев отмечается соответствие между проведением привязанности в возрасте 1 года и 6 лет [19]. Лонгитюдное исследование стабильности типа привязанности от года до 16 лет не установило соответствия качества привязанности ребенка в первый год жизни и репрезентации привязанности у подростков в 16 лет [4].

Тема отношений привязанности между взрослыми была поднята в начале 1970-х годов в исследованиях утраты у взрослых, а также супружеской сепарации. В дальнейшем, интерес к теме привязанности у взрослых расширился, включив супружеские отношения, и получил дальнейшее развитие в работе Шейвер и Хазан, которые перенесли представления о младенческих стилях привязанностей на стили у взрослых. Исследования романтических отношений у взрослых показали: взрослые, которые могут описать самих себя как надежных, избегающих или амбивалентных в романтических отношениях, рассказывают о различных паттернах детско-родительских отношений в своих родительских семьях [18; 19].

На современном этапе усилия исследователей направлены на изучение качества привязанности в отношениях ребенок-взрослый, ребенок-ребенок и взрослый-взрослый, а также их взаимодействие внутри семейной системы [4; 13; 12].

Культурные различия в классификации привязанностей

Исследования привязанности с помощью методики «Незнакомая ситуация» в других культурах стимулировали обсуждение вопроса о том, являются типы привязанности универсальными или культурно-специфическими. В западногерманских исследованиях, в сравнении с американскими, чаще встречались дети с избегающей привязанностью, тогда как амбивалентный тип привязанности отмечался у детей в израильских кибуцах и в Японии [25].

Первоначально, данные интерпретировались как отражение культурных различий в воспитании детей. Клаус Гроссман предположил, что высокая доля «избегающих» младенцев в Германии связана не с отклонениями в обращении родителей с младенцами, а с тем, что родители стремились дать младенцу больше независимости [4]. Есть и другая точка зрения; так, известный немецкий психиатр и психоаналитик К.Х. Бриш отмечает опасения современных немецких родителей избаловать ребенка, их убеждения, что ребенок должен как можно раньше научиться выдерживать фрустрацию. Он высказывает предположение, что подобным родительским установкам способствовала изданное во времена национал-социализма руководство Йоганны Хаарер по воспитанию младенцев «Немецкая мать и ее первый ребенок». Книга была необычайно популярна в Германии, даже в послевоенное время. После того как из нее убрали высказывания в духе национал-социализма, книгу продолжали дарить матерям после рождения первого ребенка; последнее ее издание вышло в 1987 году. С точки зрения К. Бриша, это руководство показывает родителям, как добиться максимальной фрустрационной толерантности младенца, не реагируя на его плач и крик, дабы не избаловать. Такие рекомендации передавались из поколения в поколение и сегодня все еще настойчиво предлагаются молодым мамам. Для преодоления подобных родительских установок К. Бриш разработал программу обучения будущих родителей взаимодействию с ребенком, которое обеспечивает формирование надежной привязанности между матерью и ребенком [4].

Исследования привязанности, проводимые в Японии, показали, что японские матери реагируют на младенцев иначе, чем американские. Они поддерживают с младенцами тесный эмоциональный и телесный контакт, стараются предугадать и удовлетворить все потребности своего ребенка, вместо того, чтобы реагировать только на его крик, как это делают американские матери. Японские матери придают большее значение социальному взаимодействию, содействуют зависимости ребенка, потакают ему во всем, а американские матери поддерживают исследовательскую деятельность, автономию ребенка, направляют его поведение. При таких различиях в практиках воспитания японские дети проявляют сильную тревогу при разлуке с матерью, цепляются

за нее при воссоединении и оцениваются по тесту «Незнакомая ситуация» как ненадежно привязанные. Однако в Японии тесные эмоциональные узы, зависимость ребенка от матери рассматриваются как признак надежной привязанности, высокоадаптивная характеристика, соответствующая ценности общественной ориентации на взаимозависимость в японской культуре [4; 25].

В отечественной психологии в концепции развития общения в онтогенезе М. Лисиной аффективная привязанность рассматривается как продукт ситуативно-личностного общения на первом году жизни ребенка [6]. В работах Н. Авдеевой была показана связь привязанности к матери и образа «Я» у детей младенческого возраста; влияние эмоционального взаимодействия в диаде на качество привязанности и адаптацию к детскому саду у детей раннего возраста [1; 2]. В исследованиях Г. Бурменской, И. Борисовой, Е. Пупыревой выявлена связь типа привязанности, формирующейся на ранних этапах развития ребенка, с особенностями его автономии, самооценки и эмпатии в дошкольном и младшем школьном возрасте [5]. В работе М. Яремчук изучались особенности привязанности к родителям и характер романтических отношений у старших подростков [8].

Сравнительные исследования привязанности к близкому взрослому в семье и доме ребенка показали превалирование ненадежной привязанности у воспитанников дома ребенка в младенческом, раннем и дошкольном возрасте [2; 7].

В целом, как и в зарубежных исследованиях, в перечисленных отечественных исследованиях психологии привязанности показано значение материнской чуткости, качества опеки, надежной привязанности к матери как условий благоприятного социально-личностного развития детей и подростков, что согласуется с данными зарубежных исследований.

Отметим, что в российских исследованиях, в сравнении с американскими и западногерманскими, чаще фигурируют дети с ненадежной амбивалентной привязанностью [2; 5; 7]. Возможно, это связано с выявленными у российских матерей особенностями эмоционального взаимодействия с ребенком. При выраженной способности воспринимать состояние ребенка, наши матери меньше стремятся проявлять отзывчивость и сопереживание, не считают нужным учитывать эмоциональное состояние ребенка в реальном взаимодействии. Гораздо чаще они ориентируются на собственные планы, собственное настроение или социальные требования [2].

Значение взаимоотношений привязанности и надежности привязанности универсальны для всех культур, а культурные различия в классификации привязанностей показывают, как разнообразные тактики воспитания приводят к формированию того или иного вида привязанности. Дискуссионным является вопрос о том, что само понятие надежной и ненадежной привязанности варьирует от культуры к культуре.

Привязанность и семейные отношения

И. Брезертон отмечает, что на фоне определенных успехов в исследовании детско-материнской привязанности еще недостаточно изучено место и роль отца в формировании системы привязанности. Другой важной темой является исследование триадных отношений в семье (например, мать и дети). Практически не изучены особенности привязанности, развивающейся у ребенка в условиях конфликта в семье, объединения двух членов семьи против третьего. Наконец, на теоретическом уровне остаются не ясными взаимосвязи детского характера и развивающихся отношений привязанности с другими членами семьи [13; 12].

Актуальной проблемой является исследование привязанности в семьях, где оба родителя работают, особенно ввиду длительной дифференциации полового воспитания.

Некоторые теоретики феминистической направленности интерпретировали теорию привязанности как поддержку традиционного представления о женщине, главное предназначение которой — заботиться о ребенке и ухаживать за ним [12]. Подобное утверждение неправомерно, так как теория привязанности не определяет, что человек, заботящийся о ребенке, должен быть обязательно матерью, или ограничен только женским полом [21].

Центральным моментом, определяющим благополучное и здоровое развитие, согласно теории привязанности, является удовлетворение потребности младенцев в отзывчивых, заботливых отношениях с одним или несколькими взрослыми.

Действительно, большинство исследований привязанности сосредоточилось на матерях, в силу того что матерям чаще всего приходится выполнять эту роль. Однако, есть данные о том, что младенцы могут выстраивать иерархию фигур привязанности, включая отца, бабушку, дедушку, братьев и сестер, так же как других людей, от которых получают заботу и уход [13].

Тем не менее, знаний о диапазоне социальных вариантов фигур привязанности для успешного решения задач воспитания, к сожалению, еще недостаточно. Шквал исследований последних десятилетий, констатирующий увеличение риска ненадежной привязанности [4; 16; 17] в современных семьях, ставит все новые и новые вопросы, которые нуждаются в решении.

Кроме того, теория привязанности приобретает совершенно новое социальное значение ввиду того, что все больше младенцев и детей раннего возраста как в России, так и за рубежом посещают дошкольные детские учреждения или остаются на попечении замещающего мать опекуна.

Теория привязанности может внести большой вклад в разработку вопроса о качестве опеки, требований к среде развития взаимодействию персонала с детьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003. 152 с.
2. Авдеева Н.Н., Хохлачева И.В. Особенности привязанности ребенка к матери, стиль детско-родительских отношений и адаптация ребенка к ДОУ [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2010. № 3. С. 97—106. URL: http://psyjournals.ru/files/31171/psyedu_2010_n3_Avdeeva_Hohlacheva.pdf (дата обращения: 13.07.2017).
3. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
4. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. М.: Когито-Центр, 2014. 319 р.
5. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестник московского университета. 2009. № 4. С. 17—32.
6. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 318 с.
7. Мухамедрахимов Р.Ж., Пleshкова Н.Л. Особенности привязанности у детей в семьях и домах ребенка // Дефектология. 2008. № 2. С. 37—44.
8. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и в отношениях любви у старших подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86—94. URL: http://psyjournals.ru/files/1345/psyedu_2005_n3_Yeremchuk.pdf (дата обращения: 13.07.2017).
9. Ainsworth M.D.S., Bowlby J. An ethological approach to personality development // American psychologist. 1991. Vol. 46. P. 331—341. doi:10.1037/0003-066X.46.4.333
10. Berlin L., Zeanah C., Lieberman A. Prevention and Intervention Programs for supporting early attachment security // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: Guilford, 2008. P. 745—762.
11. Bowlby J. Attachment and loss: Separation: Anxiety and anger. Vol. II. London: Basic Books. 1973. 456 p.
12. Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // Developmental psychology. 1992. Vol. 28. № 5. P. 759—775.
13. Bretherton I., Munholland K. Internal working models in attachment Relationships: elaborating a central construct in attachment theory // In J. Cassidy (ed.), P.R. Shaver (ed.). Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications. New York: Guilford, 2008. P. 102—131.
14. Crittenden P.M. Relationships at risk // Eds. Belsky J., Nezworski T. Clinical implications of attachment. Hillsdale, N.J: Lawrence Erlbaum Ass., 1988. p. 136—174.
15. De Wolff M., van Ijzendoorn M.H. Sensitivity and attachment: A meta-analysis on parental antecedents of infant attachment // Child Development. 1997. Vol. 68. № 4. P. 571—591. doi:10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x
16. DeKlyen M., Greenberg M. Attachment and Psychopathology in Childhood // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: Guilford, 2008. P. 637—666.
17. Dozier M., Stovall-McClough K., Albus K. Attachment and Psychopathology in adulthood // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: Guilford, 2008. P. 718—745.
18. Feeney J. Adult romantic attachment: developments in the study of couple relationships // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: Guilford, 2008. P. 456—482.
19. Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood and adulthood: A move to the level of representation // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1985. Vol. 50. № 1/2. P. 66—104. doi:10.2307/3333827
20. Main M., Solomon J. Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern // Affective development in infancy / Eds. T.B. Brazelton, M. Yogman. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 95—124.
21. Marvin R.S., Britner P.A. Normative development: The ontogeny of attachment // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. New York: Guilford Press, 2008. P. 269—295.
22. Rizzolatti G., Craighero L., Fadiga L. The mirror system in humans // Mirror neurons and the evolution of brain and language / Eds. M. Stamneov, V. Gallese. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 37—59.
23. Sroufe A., Byron E., Kreuzer T. The fate of early experience following developmental change: Longitudinal approaches to individual adaption in childhood // Child Development. 1990. Vol. 61. P. 1363—1373. doi:10.1111/j.1467-8624.1990.tb02867.x
24. The organization of Attachment Relationships. Maturation, Culture, and Context / Eds. P.M. Crittenden, A.H. Claussen. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 432 p.
25. Van Ijzendoorn M.H., Sagi A. Cross-cultural patterns of attachment: Universal and contextual dimensions // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications / Eds. Cassidy J., Shaver P.R. New York: Guilford, 2008. P. 880—906.

Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources)

Avdeeva N.N.,

*candidate of psychological sciences, professor, the chair of developmental psychology by L.F. Obukhova,
faculty of educational psychology Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
nnavdeeva@mail.ru*

On materials of foreign sources the article regards the development of substantive provisions of attachment theory by J. Bowlby and M. Ainsworth, as well as modern research in psychology of attachment. The following issues are discussed: modern interpretation of the attachment system, influence of maternal responsiveness, quality of guardianship on the formation of the child's attachment to his/her mother, classification of attachments; mental representations of attachment; cultural differences in the classification of attachments in American, West German, Japanese, and Russian studies of attachment; attachment disorders, therapy of attachment; unaddressed issues and perspectives of attachment theory.

Keywords: attachment, quality of care, types of attachment, operational models of attachment, attachment impairments, cultural differences in the classifications of attachment, attachment and psychotherapy.

REFERENCES

1. Avdeeva N.N., Khaimovskaya N.A. Razvitie obraza sebya i privyazannosti u detei ot rozhdeniya do trekh let v sem'e i dome rebenka [Development of the image of themselves and attachments in children from birth to three years in the family and the child's home]. Moscow: Smysl, 2003. 152 p. (In Russ.).
2. Avdeeva N.N., Khokhlacheva I.V. Osobennosti privyazannosti rebenka k materi, stil' detsko-roditel'skikh otnoshenii i adaptatsiya rebenka k DOU [Elektronnyi resurs] [Features of attachment of the child to the mother, the style of child-parent relations and the adaptation of the child to the DOW]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2010, no. 3, pp. 97—106. Available at: http://psyjournals.ru/files/31171/psyedu_2010_n3_Avdeeva_Hohlacheva.pdf (Accessed 13.07.2017). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Boulbi Dzh. Privyazannost' [Affection]. Moscow: Gardariki, 2003. 477 p. (In Russ.).
4. Brish K.Kh. Terapiya narushenii privyazannosti: Ot teorii k praktike [Therapy of attachment disorders: From theory to practice]. Moscow: Kogito-Tsent, 2014. . 319 p. (In Russ.).
5. Burmenskaya G.V. Privyazannost' rebenka k materi kak osnovanie tipologii razvitiya [The attachment of the child to the mother as the basis for the typology of development]. *Vestnik moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]*, 2009, no. 4, pp. 17—32. (In Russ.).
6. Lisina M.I. Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii [Formation of the child's personality in communication]. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 318 p. (In Russ.).
7. Mukhamedrakhimov R.Zh., Pleshkova H.L. Osobennosti privyazannosti u detei v sem'yakh i domakh rebenka [Peculiarities of attachment in children in families and children's homes]. *Defektologiya [Defectology]*, 2008, no. 2, pp. 37—44. (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Yaremchuk M.V. Osobennosti privyazannosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh i v otnosheniyakh lyubvi u starshikh podrostkov [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2005, no. 3, pp. 86—94. Available at: http://psyjournals.ru/files/1345/psyedu_2005_n3_Yeremchuk.pdf (Accessed 13.07.2017). (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Ainsworth M.D.S., Bowlby J. An ethological approach to personality development. *American psychologist*, 1991. Vol. 46, pp. 331—341. doi:10.1037/0003-066X.46.4.333
10. Berlin L., Zeanah C., Lieberman A. Prevention and Intervention Programs for supporting early attachment security. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008. P. 745—762.
11. Bowlby J. Attachment and loss: Separation: Anxiety and anger. Vol. II. London: Basic Books, 1973. 456 p.
12. Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth. *Developmental psychology*, 1992. Vol. 28, no. 5. pp. 759—775.
13. Bretherton I., Munholland K. Internal working models in attachment Relationships: elaborating a central construct in attachment theory. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008. P. 102—131.
14. Crittenden P.M. Relationships at risk. In Belsky J., Nezworski T. (eds.) *Clinical implications of attachment*. Hillsdale, N.J: Lawrence Erlbaum Ass., 1988, pp. 136—174.

15. De Wolff M., van Ijzendoorn M.H. Sensitivity and attachment: A meta-analysis on parental antecedents of infant attachment. *Child Development*, 1997. Vol. 68, no. 4, pp. 571—591. doi:10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x
16. DeKlyen M., Greenberg M. Attachment and Psychopathology in Childhood. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008. P. 637—666.
17. Dozier M., Stovall-McClough K., Albus K. Attachment and Psychopathology in adulthood. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008. P. 718—745.
18. Feeney J. Adult romantic attachment: developments in the study of couple relationships. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008. P. 456—482.
19. Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood and adulthood: A move to the level of representation. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 1985. Vol. 50, no. 1/2, pp. 66—104. doi:10.2307/3333827
20. Main M., Solomon J. Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern. In Brazelton T.B., Yogman M. (eds.) *Affective development in infancy*. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 95—124.
21. Marvin R.S., Britner P.A. Normative development: The ontogeny of attachment. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford Press, 2008. P. 269—295.
22. Rizzolatti G., Craighero L., Fadiga L. The mirror system in humans. In Stamneov M., Gallese V. (eds.) *Mirror neurons and the evolution of brain and language*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 37—59.
23. Sroufe A., Byron E., Kreuzer T. The fate of early experience following developmental change: Longitudinal approaches to individual adaption in childhood. *Child Development*, 1990. Vol. 61, pp. 1363—1373. doi:10.1111/j.1467-8624.1990.tb02867.x
24. Crittenden P.M., Claussen A.H. (eds.) *The organization of Attachment Relationships. Maturation, Culture, and Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 432 p.
25. Van Ijzendoorn M.H., Sagi A. Cross-cultural patterns of attachment: Universal and contextual dimensions. In Cassidy J., Shaver P.R. (eds.) *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. New York: Guilford, 2008, pp. 880—906.